

Отец Цао Цзюня, Цао Яньсун, когда-то занимал солидную должность, но после анонимного доноса о его амурных похождениях на стороне был вынужден оставить руководящий пост. Считая, что в родном ведомстве ему больше делать нечего, он подался в бизнес. Сейчас его дело шло ни шатко ни валко.

Теперь же, когда его сын убил собственную мать и племянницу, на плечи Яньсуна лег не только груз потери близких, но и колоссальное давление со стороны следствия. Вдобавок семья Янь Жаня не давала ему прохода, а старшая дочь с зятем и вовсе смотрели на него как на злейшего врага.

Цао Цзюнь уничтожил своих родных. Даже если семья простит его и закон чудесным образом избавит от смертной казни, будучи носителем ВИЧ, он вряд ли протянет долго. Поэтому тратить силы на ненависть к самому Цзюню сейчас казалось почти бессмысленным. Вся ярость окружающих обрушилась на Цао Яньсуна — отца, чье многолетнее попустительство и привело к катастрофе.

Яньсун едва справлялся с гневом собственной дочери, а уж натиск семьи Янь и вовсе был для него непосилен. В доме Янь Жаня назревала буря, но сам мальчик, оказавшийся в эпицентре этого шторма, пребывал в странном оцепенении. Его будни текли так же монотонно, как и раньше, будто ничего не произошло — за исключением того, что его заставляли горстями глотать таблетки.

В тот вечер, когда Янь Жань подвергся риску заражения, Городской центр контроля и профилактики заболеваний (ЦКПЗ) получил результаты анализов крови с тех самых ножниц. Иммунологические тесты на антигены и антитела дали отрицательный результат, однако новейшая тест-система ПЦР обнаружила вирус. Это был самый чувствительный метод диагностики, и наличие «плюса» означало, что в биоматериале присутствует ВИЧ, пусть и в малых дозах. Риск заражения Янь Жаня был ничтожно мал, но эта «ничтожная вероятность» в масштабах большой статистики для конкретного человека всегда превращается в суровый выбор между нулем и сотней процентов.

Об этом знали родители мальчика, его второй дядя Ли Ган, сотрудники лаборатории и У Лань. От остальных информацию либо скрыли, либо у них просто не было доступа к таким данным.

Мать Янь Жаня, Ли Мэй, женщина порывистая и страстная, была на грани помешательства. Сама мысль о том, что ее сын может стать носителем вируса, выжигала ее изнутри. Она страдала от неврастения и не спала ночами, проваливаясь в вязкую тревогу. Чтобы не волновать бабушку и не пугать самого сына, дома им с мужем, Янь Тяньхуа, приходилось разыгрывать спектакль «всё в порядке».

Янь Жань не был дураком. Каждый день мать заставляла его пить таблетки, называя их «витаминами для мозга». От них крутило живот, постоянно клонило в сон, а аппетит пропал вовсе. Но стоило ему заикнуться об отказе, как мать срывалась на крик: «Это лучшие лекарства из Америки, ты хоть понимаешь, как трудно было их достать?! Не смей капризничать! Мы с отцом не глупые люди, в кого ты такой уродился?»

Янь Жань про себя думал, что если бы он и впрямь был дураком, ему, возможно, жилось бы легче. Он уже догадался: скорее всего, он болен СПИДом, и эти таблетки — его единственный шанс. Он просто пил их и спал. Его всегда преследовало чувство собственной никчемности, поэтому мысль о возможной смерти не вызывала у него бурного протеста — скорее, привычное смирение.

Ли Мэй же, чья жизнь до этого момента была гладкой и успешной, чувствовала, как рушится ее мир. Если сын станет изгоем, вся семья пойдет ко дну. Им с мужем придется терпеть косые взгляды коллег, а Янь Жань всю жизнь будет сталкиваться с дискриминацией и пить лекарства, ожидая мучительного конца. Он ведь такой добрый, такой тихий... за что ему это?

Она не могла работать. Любое упоминание о сыне доводило ее до истерики. В тот вечер она снова отправилась ко второму брату, Ли Гану. Ли Ган был типичным подкаблучником и, зная неприязнь жены к сестре, никогда не рассказывал ей о делах Ли Мэй. Они встретились в его второй, пустующей квартире. Там Ли Мэй дала волю чувствам. Она металась по комнате, кричала и рыдала, ведя себя не как взрослая женщина, а как потерянный подросток.

Узнав, что Цао Яньсун ищет связи, чтобы вытащить сына, Ли Мэй зашлась в крике:

— Эта мразь, этот кусок дерьма еще пытается его спасти! Они погубили моего сына и даже не раскаиваются! Цзюнь должен сдохнуть, и отец его тоже! Брат, мне всё равно, делай что хочешь! Ты же директор управления! Если ты не поможешь мне сейчас, какой ты мне после этого брат?!

Слова сестры высокопоставленного офицера полиции могли бы дорого обойтись Ли Гану, услышь их кто-то посторонний. Он поспешно запер все окна и двери, пытаясь унять сестру.

— Какой толк в этой истерике? Сейчас главное — заботиться о мальчике. У Лань сказала, что вероятность заражения ничтожна. Не кликай беду, не хорони его раньше времени.

Ли Мэй разрыдалась еще горше:

— Вы все такие! Такие спокойные, такие рассудительные! У Лань со своей «статистикой»... Только я одна здесь сумасшедшая, только я одна не нахожу себе места! Вы все правы, а я нет, я всегда неправа!

Ли Ган молча ждал, пока она выплеснет ярость. Спустя несколько часов, когда Ли Мэй окончательно выбилась из сил, он отвез ее домой. Возле ворот жилого комплекса она велела ему остановиться. Вытерла слезы, поправила макияж, скрывая покрасневшие глаза, и холодно бросила:

— Я пойду.

Брат сочувственно похлопал ее по плечу:

— Послушай, вы с Тяньхуа еще молоды. Даже если случится худшее... вы еще успеете родить другого ребенка.

Ли Мэй на мгновение окаменела. Она не ответила ни слова, лишь содрогнулась и сбросила его руку со своего плеча. Пошатываясь, она вошла в комплекс, стараясь не попадаться на глаза соседям, засидевшимся в тени деревьев. Возле второго подъезда она замерла, глядя на окна квартиры 202. Там было пусто и безжизненно. Цао Яньсун давно жил с любовницей, и в квартире оставалась только его престарелая мать, к которой изредка привозили правнуков. Теперь там, скорее всего, больше никто не поселится.

Ли Мэй побрела вверх по лестнице. Нервы были натянуты до предела, сознание путалось. В каком-то забытии она миновала свой четвертый этаж и поднялась на самый верх — на шестой. В этом доме было всего шесть этажей, и владельцы квартир на верхнем уровне делили между собой выход на крышу. Семья Сяо и их соседи установили там общую дверь, чтобы посторонние не портили посадки.

Сяо Цзичун как раз спускался с крыши, когда увидел Ли Мэй — бледную, с пустым взглядом, стоящую прямо перед его дверью.

— Тётушка Ли? — удивленно окликнул он её.

Ли Мэй вздрогнула. Понимая, что выглядит сейчас жалко, она хрипло выдавила:

— Я... просто хотела подняться на крышу, подышать воздухом.

Цзичун не стал расспрашивать.

— Дверь открыта, идите. Я не буду ее запирать.

Ли Мэй лишь кивнула и прошла мимо него. Цзичун, почувствовав неладное, немного подождал, а потом осторожно последовал за ней. На крыше Сяо устроили небольшую беседку, окруженную решетками с виноградом и глицинией. Сейчас, в самый разгар сезона, тяжелые, налитые соком гроздья свисали с лоз, радуя глаз.

Ли Мэй сидела в беседке, тупо глядя на виноград в сумерках. Постепенно она начала приходить в себя, но возвращаться домой не хотелось. Бабушку Янь отправили к старшему сыну, муж был в командировке. Дома ее ждали только экономка и сын, которому она не хотела показывать свое состояние. Ли Мэй грызла жуткая вина: если бы в тот день она не сорвалась на Янь Жаня, он бы не убежал из дома и не встретил бы этого подонка.

Сяо Цзичун, наблюдая за ней из дверного проема, так и не понял, что она задумала.

Поразмыслив, он спустился на четвертый этаж и постучал в квартиру 402. Тётушка Ду, экономка, уже спала. Янь Жань, который из-за дневного сна никак не мог уснуть, сидел в гостиной. Услышав стук, он бросился к двери, думая, что вернулась мать, но на пороге стоял Сяо Цзичун.

С того страшного дня они не виделись. Хотя они жили в одном подъезде, шансов встретиться на лестнице было немного. Родители Цзичуна скрыли от него, что семья Янь приходила с благодарностью — они не хотели поощрять его рисковать собой ради других, пусть даже это было смело и благородно. Им было проще промолчать, чем объяснять сыну, почему «не стоит соваться в чужие дела».

Янь Жань за эти дни сильно сдал: похудел, лицо осунулось и слегка отекло от лекарств. С брекетами, повязкой на лбу и этим затравленным взглядом он выглядел так, что мог бы напугать случайного прохожего. Увидев Цзичуна, он еще сильнее сжался от чувства собственной неполноценности.

— Ты что-то хотел? — едва слышно спросил он.

— Твой отец дома? — Цзичун решил, что лучше позвать главу семейства.

Янь Жань покачал головой:

— Он на совещании в столице провинции.

— А бабушка?

— Уехала к дяде.

Цзичун вздохнул. Зная, какой придирчивой бывает мать Янь Жаня к прислуге, он понял, что звать экономку — не лучший вариант.

— Твоя мама сейчас на крыше, сидит там уже минут двадцать. Сходи за ней, что ли.

Янь Жань знал, что мать на пределе. Ее внезапная нежность в последние дни пугала его больше, чем прежние крики. Он быстро схватил ключи и вышел вслед за Цзичуном. Пройдя пару пролетов, он тихо проговорил:

— Спасибо тебе.

— Не за что, — бросил Цзичун. — Заберешь её, и я смогу наконец закрыть дверь на крышу.

Будь Янь Жань постарше, он бы, возможно, съязвил в ответ на такую прямолинейность. Но сейчас слова Цзичуна были для него истиной в последней инстанции.

— Прости, что задерживаю тебя, — виновато пробормотал он.

— Пустяки.

— Я имел в виду... спасибо, что спас меня тогда.

— Ты про Цао Цзюня?

— Да.

Они дошли до шестого этажа. Цзичун внезапно остановился и обернулся к Янь Жаню:

— Послушай, а почему ты тогда совсем не сопротивлялся? Я еще никогда не видел настолько мягкотелых людей.

Янь Жань замер. Слова Цзичуна полоснули по живому. Он и сам знал, что он трус и слабак, но услышать это от своего кумира было невыносимо. Глаза мгновенно защипало от слез. На самом деле он мог убежать, но тогда Цао Цзюнь переключился бы на Цзичуна, а Янь Жань этого допустить не мог. Но разве мог он, жалкий неудачник, сказать такое? У него не было права даже на роль защитника.

Увидев, что Янь Жань вот-вот разрыдается, Цзичун смутился.

— Эй, извини, я не хотел тебя обидеть. Просто... от таких, как этот Цзюнь, не дождешься сострадания. Чем слабее ты кажешься, тем охотнее тебя травят.

Янь Жань молчал, опустив голову. Цзичун, чувствуя себя крайне неловко, кашлянул:

— Ты как сам-то? Жив-здоров?

Он слышал, как мать упоминала, что Янь Жаню придется месяц пить ПКП-препараты.

— Всё нормально, — выдавил мальчик.

— Ты очень похудел, — заметил Цзичун, продолжая путь вверх.

Янь Жань не считал это трагедией. Его мать была полной, и он всегда боялся стать таким же.

«Угу», — едва слышно отозвался он и вдруг спросил:

— Слушай, а почему ты не поехал в Экспериментальную среднюю школу столицы провинции?

— А? — Цзичун ответил без тени сомнения. — Слышал я про те порядки: ни телевизора, ни интернета, книги только по программе, да еще и в общежитии жить под надзором. Это же не школа, а концлагерь какой-то. Мне свобода дороже.

Янь Жань опешил. Он всегда думал, что такие гении, как Цзичун, только и делают, что учатся, не отвлекаясь на ерунду. Его родители вечно ставили Цзичуна в пример: «Смотри, Сяо Цзичун небось и не знает, что такое телевизор!»

Оказывается, он и телевизор смотрел, и в интернете сидел? Невероятно.

<http://bllate.org/book/17500/1651459>